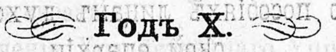
МОГИЛЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ три раза въ мѣсяцъ: 1, 11 и 21 чиселъ. Цѣна годовому изданію 5 руб., полугодовому—2 руб. 50 коп.

№ 26.

Подписка принимается въ редакціи „Епархіальныхъ Вѣдомостей", въ Могилевѣ губернскомъ.

11 сентября. 1892 года.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Преподаніе Архипастырскаго благословенія.

— Его Преосвященствомъ 28 августа преподано Архипастырское благословеніе причту и церковному старостѣ Михалиновской церкви, Горецкаго уѣзда, за устройство ими на свои средства новой деревянной церковной ограды, стоимостью въ 300 рублей.

Перемѣны по службѣ.

— Назначенный на должность смотрителя дома Могилевскаго женскаго духовнаго вѣдомства училища кандидатъ богословія Владиміръ *Зубаревъ* 30 августа рукоположенъ въ санъ священника къ домовой церкви онаго училища.

— Священникъ Мстиславской Александро - Невской церкви Петръ *Чулицкій*, за назначеніемъ его законоучителемъ Молодечненской учительской семинаріи, 31 августа уволенъ изъ Могилевскаго епархіальнаго вѣдомства.

— Бывшій воспитанникъ III-го класса Могилевской духовной семинаріи Михаилъ *Соколовъ*, резолюціею Его Преосвященства отъ 31 августа, назначенъ на псаломщицкое мѣсто къ Романовской церкви, Горецкаго уѣзда.

— Окончившій курсъ Могилевской духовной семинаріи Васи-

лій *Бобриковъ*, резолюціею Его Преосвященства отъ 1 сентября, назначенъ на псаломщицкое мѣсто къ Радомльской церкви, Чаусскаго уѣзда.

Вакантныя мѣста.

Въ настоящее время состоятъ вакантными слѣдующія мѣста священниковъ при церквахъ: *Кичинской*, Сѣнненскаго уѣзда, *Мстиславской Александро-Невской* и *Рабовичской*, Быховскаго уѣзда.

ВЫПИСКА

изъ утвержденнаго Святѣйшимъ Сѵнодомъ заключенія Хозяйственнаго Управленія о пособіяхъ лицамъ духовнаго званія Могилевской епархіи.

Хозяйственное Управленіе, руководствуясь опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода $\frac{12 \text{ декабря}}{9 \text{ января}}$ $18^{80}/_{81}$ года, коимъ постановлено назначать пожизненныя пособія только въ случаяхъ крайней необходимости, полагало: а) въ виду долговременной службы заштатнаго псаломщика Щербо (47 лѣтъ), священниковъ: Ангилейко (33 года), Саульскаго (30 лѣтъ), Сороколѣтова ($29^1/_2$ лѣтъ), Моргонскаго (49 лѣтъ), причетниковъ Соколовскаго (54 года), Пигулевскаго (41 годъ), Букинича (47 лѣтъ), Славинскаго (33 года), Березкина (43 года) и Офяровскаго (48 лѣтъ) и болѣзненнаго состоянія заштатнаго псаломщика Щербо, священническихъ вдовъ: Ангилейко, Саульской, Сороколѣтовой, дочерей священника Моргонскихъ, причетническихъ: Соколовской, Букиничъ и Офяровской, назначить пожизненное пособіе: заштатному псаломщику Іакову Щербо въ размѣрѣ *сорока* руб. въ годъ, вдовамъ священниковъ: Аннѣ Ангилейко —*шестидесяти* руб., Евфросиніи Саульской — *пятидесяти* руб., Маріи Сороколѣтовой — *пятидесяти* руб., вдовамъ причетниковъ: Софіи Соколовской, Ксеніи Пигулевской, Домникіи Букиничъ, Анастасіи Славинской, Надеждѣ Березкиной и Анастасіи Офяровской — *по тридцати* руб. въ годъ каждой и дочерямъ священника Александрѣ и Ольгѣ Моргонскимъ — *по двадцати* руб. каждой и расходъ на выдачу этихъ пособій за время со дня опредѣленія Святѣйшаго Сѵнода по 1 января 1893 года отнести на счетъ спеціальнаго сбора на пособія духовенству, а затѣмъ включать въ

смѣту по капиталу духовенства Западнаго края; б) выдать единовременное пособіе дочери священника Антонинѣ Цитовичъ въ размѣрѣ *сорока* руб., вдовѣ діакона Еленѣ Жуковской — *тридцати* руб. и дочерямъ псаломщика Маріи и Вѣрѣ Ѳеодоровичъ—*тридцати* (обѣимъ вмѣстѣ), съ отнесеніемъ сего расхода, всего въ суммѣ 100 руб., также на счетъ спеціальнаго сбора; и в) заштатному священнику Василію Бруевичу, получающему установленную пенсію изъ казны (130 руб.) и вдовамъ священниковъ: Ѳеодосіи Жудро, которой также назначена, съ больными дочерьми, пенсія по 20 руб. въ годъ, и Софіи Савиничъ, получившей въ началѣ текущаго года единовременное пособіе (40 р.) изъ суммъ Св. Сунода,—въ назначеніи пожизненнаго пособія отказать

Означенное заключеніе Хозяйственнаго Управленія утверждено въ опредѣленіи Святѣйшаго Сунода отъ 23/28 іюля 1892 г. за № 1860.

ВѢДОМОСТЬ

о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ Комитета по церковно-свѣчной операціи, состоящаго при Могилевской Духовной Консисторіи.

Съ 1 января по 1 іюля 1892 года.

Отъ 1891 года оставалось:

Наличными	852 р.	51 к.
Билетами	52000 „	— „
По книжкѣ сберегательной кассы Могилевскаго Отдѣленія Государственнаго Банка. . .	965 „	12 „
Итого . .	53817 „	63 „

Съ 1 января по 1 іюля 1892 года поступило:

Наличными десятирублеваго налога . . .	6463 „	2 „
Процентовъ по купонамъ отъ процентныхъ бумагъ, находящихся на храненіи въ Могилевскомъ Отдѣленіи Государственнаго Банка . .	1210 р.	— к
Процентными бумагами	7100 „	— „
Итого . .	14773 „	78 „

Съ 1 января по 1 іюля 1892 года израсходовано:

Наличными деньгами:

На пріобрѣтеніе процентныхъ бумагъ . .	6314 „	— „

Уплачено Могилевскому Отдѣленію Государственнаго Банка за храненіе процентныхъ бумагъ, гербоваго сбора и за перемѣну 4-хъ банковыхъ билетовъ по случаю истеченія купоновъ.		20 р. 37 к.
Выдано за 2-ю половину 1892 года жалованья членамъ Комитета и письмоводителю . .		150 „ — „
5% Банковыми билетами II выпуска по случаю истеченія купоновъ ихъ		900 „ — „
Итого . .		7385 „ 36 „

Затѣмъ къ 1 іюля 1892 года состоитъ на лицо:

Наличными	2040 „ 93 „
Билетами	58200 „ — „
По книжкѣ сберегательной кассы Могилевскаго Отдѣленія Государственнаго Банка . .	965 „ 12 „
Итого . .	61206 „ 5 „

Отъ Могилевскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Могилевскій Епархіальный Училищный Совѣтъ симъ объявляетъ свою благодарность священнику Михалиновской церкви, Горецкаго уѣзда, Петру *Заркевичу* и псаломщику той же церкви Георгію *Коржевскому*; первому за пріобрѣтеніе имъ на собственныя средства священно-историческихъ картинъ для мѣстной церковно-приходской школы, а второму за пожертвованіе имъ 40 рублей на переустройство зданія тойже школы.

Редакторъ *И. Пятницкій.*

Печат. дозвол. 1892 г. 7 сентября Цензоръ, *Каѳедральный Протоіерей Г. Мигай.*
Могилевъ на Днѣпрѣ. Типо-литографія Ш. Фридланда.

МОГИЛЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

11 сентября. № 25. 26 1892 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

КАКЪ ДОЛЖНО ПОНИМАТЬ ВОЗГЛАСЪ СВЯЩЕННИКА НА УТРЕНИ: „СЛАВА ТЕБѢ, ПОКАЗАВШЕМУ НАМЪ СВѢТЪ?"

Пѣніе на утрени великаго славословія вмѣстѣ съ предварительнымъ возгласомъ священника: „Слава Тебѣ показавшему намъ свѣтъ!" составляетъ одну изъ торжественнѣйшихъ частей нашего праздничнаго утренняго Богослуженія: отверстыя царскія врата [1]), колѣнопреклоненное положеніе большинства молящихся производитъ невольно глубокое впечатлѣніе на каждаго присутствующаго въ храмѣ. Невольно чувствуется, что православная церковь этимъ моментомъ утренняго Богослуженія желаетъ напечатлѣть въ душахъ вѣрующихъ нѣчто особенное.

Поэтому нѣсколько одностороннимъ намъ представляется то объясненіе возгласа священника предъ пѣніемъ великаго славословія, по которому указывается, что возгласомъ священника: „Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!" церковная практика освятила воспоминаніе о тѣхъ временахъ, когда наши утреннія Богослуженія составляли собою всюду Богослуженія всенощныя и когда пѣніе великаго славословія совпадало съ утреннимъ разсвѣтомъ и въ сердцахъ вѣрующихъ невольно возбуждалось благодарственное чувство Тому, кто сподобилъ христіанина встрѣтить новый день въ молитвенномъ настроеніи, — невольно при утреннемъ разсвѣтѣ изъ устъ вѣрующихъ выходила „слава" Подавшему снова дневной свѣтъ недостойнымъ рабамъ Своимъ.

[1]) См. пособіе къ изученію устава Богослуженія православной церкви прот. Никольскаго стр. 83.

Въ такомъ пониманіи названнаго возгласа священника мы выросли въ нашихъ духовныхъ школахъ, такое пониманіе указывается и въ учебникахъ по литургикѣ, также объясняютъ и особыя изслѣдованія о нашемъ православномъ Богослуженіи.

Не отрицая совершенно правдоподобности и достовѣрности такого историческаго объясненія интересующаго насъ возгласа, позволимъ себѣ высказать нѣкоторыя соображенія объ односторонности подобнаго объясненія.

Въ первые вѣка христіанства (до 4-го вѣка) [1]), какъ извѣстно, христіанское Богослуженіе отправлялось не съ тою торжественною обстановкою, съ какою оно стало совершаться со времени признанія христіанства римскимъ міромъ религіею господствующею: часто ютившееся въ катакомбахъ, куда дневной свѣтъ и не проникалъ, оно, само собою понятно, включая нашъ возгласъ въ чинъ утрени, не могло соединять съ нимъ того смысла, который соединяется теперь. Далѣе: съ увеличеніемъ торжественности Богослуженія (съ IV вѣка), со внесеніемъ новыхъ пѣснопѣній, продолжительность утренняго Богослуженія даетъ дѣйствительно большое основаніе къ тому, чтобы возможность совпаденія пѣнія великаго славословія съ утреннимъ разсвѣтомъ въ церковной практикѣ становилась дѣйствительностью. Но здѣсь возможенъ вопросъ не выдуманный но совершенно естественный: всегда ли это совпаденіе дѣйствительно было? И на этотъ вопросъ отвѣтъ, конечно, тотъ, что далеко не всегда, или даже только иногда. Съ одной стороны продолжительность ночи въ различныхъ мѣстахъ земнаго круга, въ различныя времена года очень не одинакова: съ другой стороны разнообразное чтеніе и пѣніе всенощнаго Богослуженія, — когда въ одной церкви соблюдается извѣстный темпъ пѣнія, извѣстная манера чтенія, не похожіе на таковые въ другихъ церквахъ, — дѣлаетъ службу продолжительною въ одной церкви на столько-то времени, въ другой на болѣе, или менѣе продолжительное время. Предполагать какую-либо искусственность въ отправленіи нашего Богослуженія мы нравственно не имѣемъ никакого права: христіанское Богослуженіе имѣетъ единственно нравственно-воспи-

---

[1]) Упоминаніе въ „постановленіяхъ апостольскихъ" (4-го вѣка) о великомъ славословіи, какъ составной части утренняго Богослуженія даетъ возможность заключать, что пѣніе великаго славословія съ предворительнымъ возгласомъ существовало и въ вѣка гоненій.

тательную цѣль; посторонція соображенія ему должны быть чужды. А объясненіе нашего возгласа историческими справками какъ-бы поневолѣ должно навязывать нашему Богослуженію именно подобную искусственность. Въ самомъ дѣлѣ, это объясненіе прямо же предполагаетъ, что во время образованія нашего утренняго Богослуженія въ томъ видѣ, въ какомъ оно есть, христіанскіе монастыри и церкви должны были какъ-бы стараться о томъ, чтобы моментъ возглашенія: „Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!" совпадалъ непремѣнно съ проблесками наступающаго дня, такъ какъ скажись этотъ возгласъ ранѣе, онъ уже какъ бы не имѣетъ смысла, если же позднѣе, то опять не можетъ произвести должнаго впечатлѣнія на молящихся; и такимъ образомъ, чтобы сохранить за возгласомъ это именно значеніе, всенощное Богослуженіе въ ночи продолжительныя должно идти гораздо долѣе, нежели въ краткія ночи, и всегда у совершающихъ Богослуженіе какъ бы должна быть забота о подобномъ именно совпаденіи. Христіанское Богослуженіе не театральное зрѣлище, не дѣйствуетъ оно эффектами, искусственности въ немъ, по самой идеѣ, не должно быть; оно велико своею простотою, оно глубоко воспитательно своимъ внутреннимъ смысломъ, неотразимо и непосредственно вліяющимъ на душу христіанина. Историческое же объясненіе нашего торжественнаго утренняго возгласа не можетъ указать въ немъ глубокаго воспитательнаго смысла, кромѣ развѣ того, что христіанинъ долженъ воздавать славу Господу за всѣ и внѣшнія и внутреннія блага, и слѣдовательно и за дарованіе дневнаго свѣта, какъ начала дня.

Но этого мало: „нощь не свѣтла не вѣрнымъ, а вѣрнымъ же она—просвѣщеніе въ сладости словесъ Божественныхъ"; оставляя, какъ ранѣе сказали, нѣкоторое значеніе за указаннымъ объясненіемъ интересующаго насъ возгласа, попытаемся найти въ немъ болѣе глубокій смыслъ, которымъ бы дѣйствительно объяснялась та торжественность этого возгласа, которая неотразимо сказывается въ душахъ тѣхъ христіанъ, которые приходятъ въ храмъ затѣмъ, чтобы молиться, молиться искренно.

Каждое чинопослѣдованіе христіанскаго Богослуженія заключаетъ въ себѣ части, расположенныя по глубокой внутренней связи; поэтому интересующій насъ возгласъ священника будетъ намъ тогда понятенъ въ своемъ церковно-воспитательномъ значеніи, когда

мы разсмотримъ его въ связи съ предшествующими и послѣдующими молитвословіями. И думается, что то, откуда психологически вытекаетъ нашъ возгласъ, есть пѣніе канона, такъ какъ непосредственно предшествующее великому славословію и его возгласу пѣніе „святъ Господь Богъ нашъ" (въ воскресные дни), свѣтильновъ (экзапостиларіевъ), хвалитныхъ псалмовъ и „стихиръ на хвалитехъ" составляетъ не что иное, какъ прелюдію къ тому, что содержится въ великомъ славословіи и его возгласѣ.

Сущность канона, какъ извѣстно, составляютъ, такъ называемыя, *пѣсни Св. Писанія*, или священныя пѣснопѣнія Богопросвѣщенныхъ лицъ ветхаго завѣта, благодарственно воспѣвавшихъ тѣ, или другія благодѣянія Божественныя, полученныя ими послѣ какихъ либо скорбныхъ, невыносимо тяжелыхъ обстоятельствъ. Эти то *пѣсни Св. Писанія*, составляющія краеугольный камень нашего канона, вмѣстѣ съ ирмосами [1]), и должны подлежать нашему разсмотрѣнію, чтобы для насъ былъ ясенъ общій смыслъ канона и чтобы правильнѣе подойти къ объясненію нашего возгласа.

Общая мысль всѣхъ *пѣсней Св. Писанія*, вошедшихъ въ составъ нашего канона, можетъ быть выражена такимъ образомъ: скорбныя обстоятельства внутренняго ли то, или внѣшняго характера, одного ли лица, или цѣлаго Богоизбраннаго народа повергаютъ его въ глубокое уныніе; по человѣческому разсужденію эти скорбныя обстоятельства таковы, что избавиться отъ нихъ самому человѣку нѣтъ никакой возможности,—но вотъ эти страданія сами же своею невыносимою тягостью учатъ страждущаго, что тамъ, гдѣ безсиленъ самъ человѣкъ, всегда можетъ явиться всесильная десница Божественная, которая и положитъ конецъ этимъ невыносимымъ страданіямъ, — и тогда изъ наболѣвшаго сердца страждущаго вырывается, какъ бы полный отчаянія крикъ, „вопль" къ Богу, который единый только можетъ дать необходимое для человѣка избавленіе. Но этотъ какъ бы отчаянный „вопль" въ тоже время есть „вопль" съ надеждою и вѣрою, ибо направляется къ Тому именно, кто и дѣйствительно можетъ прекратить страданія, — поэтому онъ не остается тощимъ предъ Господомъ; Господь даетъ взывающему къ Нему искомое избавленіе, и изъ

[1]) Тропари, какъ извѣстно, есть измѣняемая по содержанію часть канона, примѣнительно къ воспоминаемымъ церковнымъ событіямъ.

устъ избавленнаго выходитъ благодарственная молитва Господу, ниспославшему чудно Свое Божественное избавленіе изстрадавшемуся. А эта благодарственная молитва, начинаясь въ устахъ избавленнаго простымъ благодареніемъ Господу за настоящее избавленіе, переходитъ затѣмъ въ радостное пророчество о томъ, что придетъ время всеобщаго избавленія, избавленія всѣхъ людей отъ внѣшнихъ и внутреннихъ бѣдствій, которыми полна была жизнь ветхозавѣтнаго человѣчества, — что придетъ время спасенія вѣчнаго, полнаго внутренняго спасительнаго перерожденія всего человѣка, и люди его получатъ только подъ условіемъ полнаго смиренія и всецѣлаго обращенія къ Господу.

Словомъ, *пѣсни Св. Писанія* заключаютъ въ себѣ вообще такую мысль, что спасеніе временное и вѣчное даруется только Господомъ и только тогда, когда человѣкъ во всей глубинѣ сердца своего почувствуетъ свою немощь, безпомощность и сознаетъ, что только Богъ его можетъ спасти.

Какое же значеніе имѣютъ *пѣсни Св. Писанія*, воспроизводимыя нашимъ церковнымъ канономъ для сыновъ благодати, для сыновъ завѣта новаго?

Не то только, конечно, что они своимъ содержаніемъ возбуждаютъ въ душѣ христіанина воспоминаніе о чудесныхъ событіяхъ въ средѣ Богоизбраннаго народа и учатъ его прославлять чудодѣйственную десницу Божію; значеніе ихъ для христіанъ даже болѣе глубокое, чѣмъ для ветхозавѣтнаго человѣчества. А именно. Нравственно религіозное состояніе Богопросвѣщеннаго ветхозавѣтнаго человѣчества обыкновенно изображается, какъ состояніе темное, находящееся подъ сѣнію закона. Подобное изображеніе не то, конечно, выражаетъ, что человѣчеству ветхаго завѣта были совершенно чужды свѣтлые пункты христіанскаго міровоззрѣнія, но то именно, что эти свѣтлые пункты въ сознаніи ветхозавѣтнаго человѣчества только намѣчались, какъ такіе, которые должны быть, но будутъ ли они, или нѣтъ въ дѣйствительности, про это Богопросвѣщенные мужи ветхаго завѣта не знали, а только предчувствовали, подъ воздѣйствіемъ Духа Божія, гадательно, подъ образами. Во Христѣ же ветхозавѣтные прообразы стали образами, молитвенные „вопли“ ветхозавѣтныхъ праведниковъ объ избавленіи отъ внѣшнихъ и внутреннихъ бѣдствій въ устахъ христіанъ стали

молитвенными „воплями“ объ усвоеніи уже совершившагося чудно избавленія Спасителемъ всего рода человѣческаго отъ темной власти грѣха и діавола.

Христіаниномъ, при воспроизведеніи содержанія *пѣсней Св. Писанія* невольно представляется вся высота христіанскаго откровенія сравнительно съ ветхозавѣтнымъ откровеніемъ, ибо предчувствія, рѣчи и гаданія пророковъ видятъ они исполнившимися во Христѣ во всемъ глубоко трогательномъ ихъ величіи. Спасеніе Божіе, представлявшееся праведникамъ ветхаго завѣта какъ темное, хотя и радостное, но далеко будущее, для сознанія христіанина является радостнымъ фактомъ вѣчнаго избавленія во Христѣ.

Чтобы сдѣлать эту общую мысль болѣе ясною, пояснимъ ее краткимъ указаніемъ на содержаніе нашихъ ирмосовъ, которые и представляютъ собою именно христіанское пониманіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ и прообразовъ.

Избавленіе израильтянъ отъ рабства Фараонова, составляющее какъ извѣстно содержаніе *первой и второй пѣсенъ Св. Писанія* (Исх. XV. 1—19) въ нашихъ христіанскихъ ирмосахъ этихъ пѣсенъ является, какъ избавленіе всего рода человѣческаго отъ власти и рабства Фараона мысленнаго,—грѣха и діавола,—побѣжденнаго сошествіемъ на землю Сына Божія. Благодарственно-пророческая пѣснь пророчицы Анны, чудодѣйственно получившей разрѣшеніе своего неплодства (I Цар. II 1-10) въ ирмосахъ *третьей пѣсни* является для христіанина, какъ благодарственная пѣснь Господу за разрѣшеніе Христомъ неплодства внутренняго и какъ молитвенная пѣснь о воспріятіи христіаниномъ сладкихъ плодовъ свѣтлаго Христова пришествія. Откровеніе, данное Господомъ пророку Аввакуму о страшномъ Божіемъ сошествіи на землю (Авв. III гл.) въ ирмосахъ *четвертой пѣсни* является для христіанина радостнымъ сознаніемъ чуднаго и страшнаго дѣла Бога избавителя, пославшаго на землю Сына Своего единороднаго для привлеченія въ блаженное царство небесное всѣхъ народовъ земли и для наказанія тѣхъ, которые не воспринимаютъ сладкихъ плодовъ Христова пришествія.

Отъ нощи утреннюющій къ Богу Исаія и предвидящій общее воскресеніе (Исх. XXVI. 9—19) въ церковныхъ ирмосахъ *пятой пѣсни* учитъ христіанина взывать къ Богу о дарованіи истиннаго духовнаго просвѣтлѣнія, внутренняго обновленія съ надеждою на

вѣчное воскресеніе въ лучшую жизнь, —ибо духовное томленіе, духовный мракъ человѣка совершенно разгоняется Господомъ, побѣдителемъ смерти.

Іона во чревѣ китовѣ, обращающійся съ покаянною молитвою къ единому Избавителю (Іон. II. 2—10) въ ирмосахъ *шестой пѣсни* является образомъ христіанина, обуреваемаго безднoю грѣховныхъ золъ и взывающаго къ Господу объ избавленіи отъ этой грѣховной погибели, ибо эта самая грѣховная бездна уничтожена воплотившимся Господомъ. Избавленіе отроковъ въ разженной пещи и ихъ хвалебная пѣснь Господу за это избавленіе (Дан. III 26—90) въ церковныхъ ирмосахъ *седьмой и восьмой пѣсенъ* учитъ христіанина прославлять Бога, дивнаго во Своей Святой Троицѣ, давшаго во Христѣ вѣчное избавленіе всего рода человѣческаго. Пѣснь Богородицы и пѣснь пророка Захаріи (Лк. I. 46—55; 67—79) сами по себѣ въ совершенствѣ опредѣлившія характеръ грядущаго Божія спасенія и путь, которымъ воспринимается человѣкомъ это спасеніе, прямо побуждаютъ христіанина въ ирмосахъ *девятой пѣсни* къ прославленію виновницы нашего спасенія, родившей всему міру премірную радость, Царя правды, мира и любви, направившаго христіанъ на истинный путь мира и добра.

Не трудно видѣть, что по самому существу наши церковные ирмосы суть такіе же молитвенные „вопли", какіе раздавались изъ устъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ и выражены ими въ *пѣсняхъ Св. Писанія*, но въ тоже время, какъ то же ясно, что между нашими церковными ирмосами и *пѣснями Св. Писанія* есть разница въ личныхъ чувствованіяхъ, которыя переживались ветхозавѣтными праведниками при обращеніи къ Богу съ молитвенными „воплями" объ избавленіи отъ золъ и какія переживаются христіанами при такихъ же обращеніяхъ.

Какъ бы высоко ни поднималось у ветхозавѣтныхъ праведниковъ сознаніе имѣющаго наступить вѣчнаго Божія спасенія, всегда у нихъ въ душѣ, при ихъ молитвенныхъ „вопляхъ" бывала мысль (какъ и должно) о своей отдаленности (за грѣхъ) отъ Бога и сомнѣніе въ полной справедливости своихъ религіозныхъ чаяній. У христіанскихъ же праведниковъ обращающихся къ Богу съ молитвеннымъ „воплемъ" чувствованія другія. Въ христіанствѣ все ясно; спасеніе вѣчное во Христѣ есть отрадный для сердца христіанина

фактъ. Въ христіанствѣ всѣ преграды къ единенію съ Богомъ разрушены; христіанинъ сынъ Божій; молитвенные „вопли“ его даютъ ему истинную надежду на полное усвоеніе вѣчнаго Божія спасенія во Христѣ Іисусѣ. Отсюда и пѣніе всего канона невольно вызываетъ въ душѣ христіанина слава Тому, кто даровалъ вѣчное спасеніе, разрушилъ средостѣніе отдѣлявшее человѣка отъ Бога. А если такъ, если таковы мысли должно возбуждать въ душѣ христіанина пѣніе канона, то, само собою разумѣется, что и непосредственно слѣдующее за пѣніемъ канона въ нашей утрени съ необходимостью должно отвѣчать этому, а не иному душевному настроенію христіанина; и дѣйствительно торжественное прославленіе святаго Господа („Святъ Господь Богъ нашъ“), экзапостиларій „и стихиры на хвалитехъ“ не что иное выражаютъ собою въ устахъ христіанина, какъ призываніе всей твари къ прославленію Господа, содѣлавшаго чудно Свое спасеніе посреди всей вселенной.

И возгласъ священника предъ пѣніемъ великаго славословія: „слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!“ по литургической психологіи не иначе должно понимать, какъ выраженіе великой духовной благодарности христіанина Богу, воплощеніемъ на землѣ Сына Своего единороднаго наполнившему свѣтомъ неясныя благочестивыя ветхозавѣтныя предчувствія и гаданія, разгнавшему тьму языческихъ заблужденій, даровавшему міру Спасителя. А нашъ Спаситель есть *единый истинный свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ* (Іоан. I. 9), говорящій Самъ про Себя: *Я свѣтъ міру; кто послѣдуетъ за Мною, тотъ не будетъ ходить во тьмѣ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни* (Іоан. VIII. 12), или: *Я свѣтъ пришелъ въ міръ, чтобы всякій вѣрующій въ Меня не оставался во тьмѣ* (Іоан. XII. 46 см. Іоан. III. 19—21; IX. 5; 1 Іоан. I. 5—7 и др.), пречистая Матерь Котораго въ церковныхъ пѣсняхъ именуется Матерью свѣта („Богородицу и Матерь свѣта въ пѣснехъ возвеличимъ“).

Слѣдовательно, этотъ возгласъ священника, если брать его не отдѣльно, а въ его литургической послѣдовательности, должно понимать не иначе, какъ такимъ именно образомъ: здѣсь священникъ —выразитель религіозной настроенности молящихся—на утреннемъ Богослуженіи, почувствовавши всю глубокую разницу, какая дѣй-

ствительно есть между подзаконнымъ человѣчествомъ и человѣчествомъ благодатнымъ, воздаетъ „славу“ любвеобильному Господу за ниспосланіе всему міру Спасителя, примирившаго людей съ Богомъ, давшаго своимъ искупленіемъ свѣтлое разрѣшеніе всѣхъ, мучившихъ родъ человѣческій, религіозно - нравственныхъ запросовъ доброй совѣсти, вмѣсто ветхозавѣтной тьмы и тѣни смертной давшаго свѣтъ истиннаго Боговѣдѣнія и свѣтлую надежду на возвращеніе древняго первобытнаго блаженнаго райскаго состоянія въ полномъ единствѣ съ треблаженнымъ Богомъ.

Но если все, непосредственно предшествующее интересующему насъ утреннему возгласу священника говоритъ за то, что этотъ возгласъ менѣе всего можно понимать въ матеріальномъ смыслѣ, какъ благодарность Богу за дарованіе физическаго свѣта, утренняго разсвѣта, то содержаніе самаго великаго славословія, предваряемаго нашимъ возгласомъ со всею рѣшительностью говоритъ за то, что совершенно не дарованіе физическаго свѣта имѣетъ въ виду восхвалять св. Церковь этою торжественною частью нашего утренняго Богослуженія.

Начинающееся ангельскою пѣснью, которою возвѣщено было роду человѣческому сошествіе на землю Сына Божія, великое славословіе въ слѣдующемъ своемъ содержаніи представляетъ собою прославленіе тріединаго Бога, совершителя нашего спасенія, и преимущественно кроткаго Агнца Божія, чрезъ котораго и открылась міру тайна Пресвятой Троицы; но нельзя не обратить вниманіе и на то, что вмѣстѣ съ прославленіемъ чрезъ все великое славословіе проходитъ и молитвенный „вопль“ къ тріединому Богу о помилованіи отъ грѣха избавленнаго, просвѣтленнаго, но подъ грѣховными искушеніями пребывающаго, новозавѣтнаго человѣчества (*Господи, Боже, Агнче Божій, Сыне Отечь, вземляй грѣхъ міра помилуй насъ, вземляй грѣхи міра пріими молитву нашу... Господи, помилуй мя и исцѣли душу мою, яко согрѣшихъ Тебѣ* и т. д.); и въ этихъ молитвенныхъ восклицаніяхъ конечно никто не можетъ видѣть молитвы о чемъ либо внѣшнемъ матеріальномъ; нѣтъ, это, можно сказать, непосредственное эхо того, что мы слышали въ *пѣсняхъ Св. Писанія*, это молитва объ избавленіи отъ тьмы грѣховной порабощающей человѣка и въ новомъ завѣтѣ, блистающемъ свѣтомъ полнаго Божественнаго спасенія, —подобно тому,

какъ она порабощала ветхозавѣтное человѣчество, жившее предчувствіями этого спасенія; это молитвенный „вопль“ христіанскій о полномъ просвѣтлѣніи природы человѣческой чрезъ свѣтъ Христова пришествія. А заключительныя слова великаго славословія какъ нельзя болѣе и подтверждаютъ сейчасъ сказанное, а вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ полное право говорить, что возгласъ предъ славословіемъ должно понимать такимъ именно образомъ, какъ понимается нами: *Господи, къ Тебѣ прибѣгохъ, научи мя творити волю Твою, яко Ты еси Богъ мой, яко у Тебе источникъ живота, во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ: пробави милость Твою вѣдущимъ Тя.* Всякій непредубѣжденный христіанинъ, слыша эти слова великаго славословія и сердечно воспринимая ихъ смыслъ, совершенно согласится съ нами, что эти слова никоимъ образомъ нельзя понимать въ матеріальномъ смыслѣ: смыслъ ихъ чисто духовный: это— мольба о полномъ воспріятіи свѣта Христова пришествія, который по милости любвеобильнаго Бога даруется христіанамъ за исполненіе Христова ученія, за исполненіе Его Божественнаго Евангелія; это—мольба о внѣдрѣніи въ сердце Самаго Христа.

Не противорѣчитъ предложенному нами объясненію и положенное по уставу церкви пѣніе непосредственно послѣ славословія воскреснаго или праздничнаго тропаря; это пѣніе, обращая мысль молящихся или къ событію воскресенія Христова, чрезъ которое побѣждена сила смерти и діавола,—или же къ воспоминаемому христіанскому празднику, имѣющему то или другое отношеніе къ нашему спасенію,—пѣніе тропаря, говоримъ, убѣждаетъ молящихся въ возможности исполненія великаго просимаго духовнаго просвѣтлѣнія.

Думается, что сказаннаго достаточно, чтобы имѣть право закончить наши соображенія о полной возможности замѣнить чисто внѣшнее объясненіе возгласа предъ великимъ славословіемъ объясненіемъ, при которомъ интересующая насъ часть утренняго Богослуженія представляется болѣе сообразною и въ чисто педагогической послѣдовательности нашего утренняго Богослуженія, а также и въ томъ непосредственномъ духовномъ ощущеніи, которое испытывается искренно молящимися во время великаго славословія, предваряемаго не менѣе великимъ торжественнымъ возгласомъ священника.

Намъ остается сказать очень немногое, имѣющее принципіаль-

ный характеръ не только по отношенію къ высказаннымъ нашимъ соображеніямъ о взятомъ вопросѣ, но и ко всей обширной литургической области.

Въ объясненіяхъ той, или другой части нашего богослужебнаго круга находится вообще чрезвычайно много замѣчаній чисто внѣшняго характера, объясняющихъ то, или другое въ нашемъ Богослуженіи чисто случайными внѣшними причинами. Пусть эти объясненія имѣютъ то, или другое археологическое ученое значеніе,—но во-первыхъ въ этихъ объясненіяхъ иногда кромѣ ученаго остроумія, смѣняющагося болѣе остроумнымъ изслѣдователемъ на другое, и ничего найти нельзя, а во-вторыхъ—и это главное — эти объясненія затемняютъ собою нравственно - воспитательный смыслъ нашего великолѣпнаго православно-христіанскаго Богослуженія.

Распространяясь въ нашей духовной школѣ, эти объясненія дѣлаются достояніемъ пастырей церкви, которые въ своей гомилетической дѣятельности (проповѣдяхъ о правосл. Богосл.) стараются провести эти объясненія въ сознаніе своихъ пасомыхъ. Но такъ какъ область проповѣди и значеніе ея исключительно въ нравственномъ воздѣйствіи на слушателей и слѣдовательно чуждый элементъ—каковой и есть все внѣшнее—прямо противорѣчитъ ея духу и значенію, то само-собою понятно, что литургическія проповѣди съ учеными соображеніями внѣшняго характера, не производятъ на народъ должнаго благотворнаго вліянія, и наше православное Богослуженіе, оставаясь непонятнымъ для самихъ пастырей—въ его религіозно-воспитательномъ значеніи, — тѣмъ болѣе остается непонятнымъ для слушателей,—понимаютъ они его настолько, насколько сами искренно присутствуютъ при Богослуженіи и получаютъ непосредственное благодатное озареніе.

Православный храмъ—небо на землѣ; Богослуженіе христіанское—школа для христіанина, приготовляющая къ вѣчному небесному Богослуженію съ ликами ангельскими. Этой мысли никогда не должно упускать изъ виду тѣмъ, кто такъ или иначе интересуется литургическими вопросами, особенно пастырямъ церкви, ведущимъ, по своему званію, своихъ пасомыхъ чрезъ храмъ Божій, чрезъ православное Богослуженіе въ домъ Божій небесный, во врата Христова царства.

Православное Богослуженіе во всей своей содержимости имѣетъ

своею цѣлью пробудить въ земныхъ людяхъ интересы небесные. И не объясненія внѣшняго характера, конечно, нужны, для того, чтобы понять его во всемъ его небесномъ величіи,—а объясненія церковно-педагогическія выходящія изъ мысли о томъ, что наше Богослуженіе есть великая духовная лѣчебница, уничтожающая пороки ветхаго человѣка и содѣлывающая его человѣкомъ новымъ.

С. Городцевъ.

КЪ ВОПРОСУ О ПОСТАНОВКѢ ПРЕПОДАВАНІЯ НАЧАЛЬНАГО СЧИСЛЕНІЯ ВЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ И ВООБЩЕ НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ.

(Элементарный разборъ ариѳметическихъ задачъ).

На всѣхъ ступеняхъ курса ариѳметики рѣшеніе методически подобранныхъ задачъ въ настоящее время занимаетъ важное мѣсто, какъ средство обученія, а толковое устное и письменное изложеніе рѣшенія задачи справедливо всѣми считается лучшимъ показателемъ степени усвоенія учениками предмета. Въ частности начальное счисленіе, по смыслу программы церковно-приходскихъ школъ и въ рамкахъ, ею указанныхъ, можетъ быть построено только на цѣлесообразно подобранныхъ и основательно рѣшенныхъ ариѳметическихъ задачахъ. Естественно, поэтому, что изданными Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Сунодѣ правилами объ испытаніяхъ, которымъ подвергаются желающіе занять должность учителя церковно-приходской школы, также придается большое значеніе письменному изложенію рѣшенія задачъ.

Къ сожалѣнію, однако, незамѣтно такого же согласія и опредѣленности сужденій относительно самыхъ пріемовъ объясненія задачъ: здѣсь, наоборотъ, многое шатко, спорно, почему и школьная практика въ этомъ отношеніи не можетъ дать вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ. Ученикъ, прошедшій курсъ не только начальнаго училища, но и школы съ болѣе высокими требованіями, можетъ быть, правильно рѣшитъ задачу, отчетливо расположивъ при этомъ вычисленія, а также сумѣетъ изложить планъ рѣшенія, указавъ по порядку искомыя, данныя и соотвѣтствующія имъ дѣйствія.

Тѣмъ не менѣе изъ его отвѣта неизбѣжно выносится впечатлѣніе, что въ объясненіи чего-то недостаетъ, именно, что въ немъ дѣйствія слабо мотивированы. И дѣйствительно, снова вдумываясь въ отвѣтъ, слушатель всегда найдетъ, что ученикъ или обошелъ вопросъ объ основаніи, на которомъ опирается примѣненіе указаннаго имъ дѣйствія къ отысканію того или другаго неизвѣстнаго, сославшись просто на необходимость опредѣлить это неизвѣстное, или только повторилъ съ несущественными измѣненіями содержаніе стоящей на очереди простой задачи,—что, если, наконецъ, онъ и далъ какой - нибудь прямой отвѣтъ, то въ большинствѣ случаевъ этотъ отвѣтъ недостаточенъ, не внушенъ никакою ясною мыслью.

Напрасно, конечно, было бы видѣть причину указаннаго недостатка въ ученикѣ: учитель также не въ состояніи ему помочь; онъ также не имѣетъ руководящей идеи для точнаго истолкованія рѣшенія, ибо лишенъ ея и разборъ задачъ въ различныхъ методикахъ, руководствахъ и т. д.

Изложимъ для примѣра пріемы, рекомендуемые при объясненіи задачъ г. Т. Лубенцомъ [1]). Упомянувъ, что, если на первыхъ порахъ „ученикъ при записываніи условія задачи правильно расположитъ данныя числа и перечислитъ дѣйствія въ надлежащемъ порядкѣ, то это уже вполнѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что ученикъ понимаетъ рѣшеніе задачи", онъ далѣе возлагаетъ на учителя обязанность „придти на помощь ученику" при выясненіи „мотивовъ, въ силу которыхъ онъ производитъ дѣйствія въ данномъ порядкѣ", т. е., проще говоря, выучить его составлять планъ рѣшенія чрезъ послѣдовательное перечисленіе искомыхъ. Наконецъ, „когда учащіеся достаточно освоятся съ округленностью математической рѣчи и разовьютъ въ себѣ хорошій навыкъ въ словесныхъ выраженіяхъ", ихъ слѣдуетъ пріучить къ изложенію хода рѣшенія задачъ, образецъ котораго приводится ниже.

Задача. Для смазки машины смѣшали 2 ф. деревяннаго масла, по 25 к. за фунтъ, съ 3 ф. рапсоваго, по 15 к. за фунтъ. Что стоитъ фунтъ смѣшаннаго масла?

Изложеніе рѣшенія. „Фунтъ деревяннаго масла стоитъ 25 к.; поэтому 2 ф. стоятъ въ 2 раза дороже, т. е. 25×2 или 50 коп. Фунтъ рапсоваго масла стоитъ 15 коп.; поэтому 3 ф. его стоятъ

[1]) Методика Ариѳметики. 2-е изд. С. П. Б. 1891, стр. 34—35.

въ 3 раза больше, т. е. 15×3 или 45 коп. Изъ этого слѣдуетъ, что вся смѣсь стоитъ 50+45, или 95 коп. Количество - же смѣси составляетъ 2+3 или 5 фунтовъ. Слѣдовательно, цѣна фунта смѣси будетъ въ 5 разъ меньше стоимости всей смѣси, т. е. составитъ 95 : 5 или 19 коп".

Изложеніе хорошее, подкупаетъ краткостью и естественностью и, какъ далѣе указано будетъ, на нѣкоторыхъ ступеняхъ обученія вполнѣ умѣстно. Здѣсь же мы обратимъ вниманіе на ту его особенность, что въ немъ заключаются лишь намеки на основанія для выбора дѣйствій, и слѣдовательно, допуская его, учитель долженъ быть заранѣе убѣжденъ, что полная мотивировка дѣйствій для ученика вещь настолько извѣстная, избитая, что о ней не стоитъ много распространяться. Въ самомъ дѣлѣ, изъ чего въ данной задачѣ, будетъ слѣдовать, напримѣръ, что вся смѣсь стоитъ 50 + 45 коп., если ученикъ не можетъ выяснить въ какой бы то ни было формѣ, что стоимость смѣси есть цѣлое, части котораго суть стоимость рапсоваго и стоимость деревяннаго масла? Равнымъ образомъ, за сжатымъ и неопредѣленнымъ выраженіемъ „2 ф. стоятъ въ 2 раза дороже" должна скрываться точная мысль, что стоимость 2 фунтовъ деревяннаго масла есть цѣлое, состоящее изъ двухъ частей, равныхъ каждая стоимости одного фунта,—мысль, которая подводитъ условія задачи прямо подъ понятіе объ умноженіи. Ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ изложенныхъ пріемовъ и образцы разборовъ, предлагаемые другими авторами: въ нихъ тѣ же особенности, тѣ же достоинства и недостатки.

Однако широкая распространенность какого-нибудь явленія естественно наводитъ мысль на предположеніе, что оно неизбѣжно. Поэтому, далеко не лишнее дѣло выяснить: возможно ли на практикѣ, въ особенности въ начальной школѣ, такое объясненіе ариѳметическихъ задачъ, въ которомъ дана была бы точная мотивировка дѣйствій? Такъ какъ, далѣе, всякая сложная задача составляется изъ нѣсколькихъ простыхъ, и каждая изъ нихъ своими условіями вполнѣ опредѣляетъ, какое дѣйствіе нужно употребить для ея разрѣшенія, то поставленный вопросъ вполнѣ покрывается слѣдующимъ: возможно ли въ начальной школѣ точное объясненіе рѣшенія простыхъ задачъ?

На этотъ вопросъ въ литературѣ предмета даетъ опредѣленный

отвѣтъ лишь одинъ авторъ, и его отвѣтъ — отрицательный. „При обученіи дѣтей, еще недостаточно владѣющихъ рѣчью вообще и діалектическими пріемами въ особенности, неосновательно было бы, говоритъ г. Шохоръ-Троцкій [1]), на первыхъ ступеняхъ обученія требовать... объясненія — почему въ одной задачѣ примѣняется сложеніе, въ другой - вычитаніе и т. д.“ Изъ дальнѣйшихъ разсужденій названнаго автора видно, что, по его мнѣнію, эти первыя ступени обученія равняются начальному курсу ариѳметики до сообщенія дѣтямъ полныхъ опредѣленій, которыя — по его же мнѣнію — должны быть даны довольно поздно. Мы съ своей стороны думаемъ, что, прежде чѣмъ ограничиваться ожиданіемъ, когда разовьются у дѣтей „діалектическіе пріемы“, нужно опредѣлить, въ чемъ же собственно должна состоять мотивировка дѣйствій. Если согласиться съ г. Шохоръ-Троцкимъ, то „единственнымъ оправданіемъ примѣненія того или иного ариѳметическаго дѣйствія къ рѣшенію данной простой чисто-ариѳметической задачи можетъ служить подведеніе условій этой задачи подъ опредѣленіе того или инаго дѣйствія. Иначе говоря: если у насъ есть рядъ болѣе или менѣе точныхъ опредѣленій сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія, то примѣненіе того или инаго дѣйствія можетъ быть оправдано только ссылкою на опредѣленіе и подведеніемъ условій задачи подъ это опредѣленіе; если же такого ряда опредѣленій нѣтъ въ нашемъ распоряженіи, то никакія „разсужденія“ не въ состояніи доказать, что въ данномъ случаѣ требуется сдѣлать сложеніе, а въ другомъ случаѣ вычитаніе, или умноженіе и т. д.“ Чтобы оцѣнить значеніе такихъ утвержденій, напомнимъ прежде всего, что безспорно правильныхъ опредѣленій дѣйствій въ начальной ариѳметикѣ вовсе нѣтъ; даже система опредѣленій Бертрана, принятая въ главныхъ чертахъ и г. Шохоръ - Троцкимъ, вызываетъ противъ себя много возраженій. Затѣмъ, не каждое, даже научное опредѣленіе таково, чтобы подъ него легко можно было подвести условія задачи: всѣ опредѣленія, построенныя на отвлеченномъ принципѣ имѣютъ въ этомъ отношеніи весьма малую цѣнность. Для доказательства сказаннаго примѣнимъ на дѣлѣ требованія г. Шохоръ - Троцкаго. Пусть будетъ дана задача на дѣленіе: „14 учениковъ старшаго

[1]) С. И. Шохоръ-Троцкій, Методика ариѳметики съ приложеніемъ сборника упражненій по ариѳметикѣ для учащихъ. М. 1886. Стр. 104—105.

отдѣленія получили 154 пера, всѣ поровну. Сколько перьевъ получилъ каждый изъ нихъ?" Г. Шохоръ-Троцкій опредѣляетъ дѣленіе, какъ дѣйствіе, цѣль котораго — отысканіе по данному произведенію двухъ производителей и одному изъ нихъ другаго производителя, т. е. какъ дѣйствіе обратное умноженію [1]. Чтобы подвести подъ такое опредѣленіе условіе приведенной задачи, учащійся долженъ произвести обращеніе ея вопроса, опредѣлить, какое значеніе будутъ имѣть въ обращенной задачѣ данныя и искомое числа прямой, и тогда уже привести чисто-отвлеченное основаніе въ пользу выбора дѣйствія; всѣ эти сложныя операціи его мысль должна произвести хотя бы полусознательно, иначе объясненіе будетъ механически прицѣпленною къ рѣшенію фразою, не заключающею въ себѣ опредѣленнаго смысла. Понятно, что при такихъ условіяхъ истолкованіе простой задачи не можетъ быть, не только на первыхъ порахъ, но даже и на дальнѣйшихъ ступеняхъ обученія, ничѣмъ другимъ, кромѣ безсодержательной діалектики. Если же опредѣленія должны имѣть практическій характеръ, то ихъ существованіе само предполагаетъ оправдывающее выборъ дѣйствія выдѣленіе существенныхъ признаковъ содержанія задачъ. Въ самомъ дѣлѣ, если вполнѣ достаточнымъ основаніемъ для примѣненія дѣйствій можетъ быть лишь подведеніе сущности условій задачъ подъ опредѣленія дѣйствій, то въ каждое опредѣленіе должны войти всѣ тѣ и только тѣ признаки, которые составляютъ основную часть содержанія всѣхъ типическихъ задачъ на данное дѣйствіе. Поэтому наиболѣе надежный и плодотворный пріемъ вывода практическихъ опредѣленій долженъ состоять въ логической обработкѣ содержанія различныхъ простыхъ задачъ на какое-либо дѣйствіе для извлеченія изъ нихъ общихъ всѣмъ типамъ элементовъ. Наконецъ, такъ какъ ребенокъ лишь довольно поздно можетъ развить разсудочную работу, потребную для сознательнаго вывода точныхъ опредѣленій, то откладывая разборъ простыхъ задачъ до обнаруженія ученикомъ такой способности, мы откладываемъ его ad calendas graecas, до той поры, когда этотъ разборъ въ сущности уже не время дѣлать.

Но ничто не обязываетъ насъ понимать разборъ простыхъ задачъ именно такимъ образомъ. Возможенъ иной пріемъ объясненія,

[1]) Методика ариѳметики; стр. 43—44.

и практическій критерій къ опредѣленію этого пріема состоитъ въ слѣдующемъ: должно такъ изложить условія задачи, чтобы была очевидна необходимость для ея рѣшенія того, а не другаго дѣйствія. Согласно съ этимъ правиломъ, которое можно принять безъ доказательствъ, изъ содержанія задачи требуется устранить все, отъ чего выборъ дѣйствія не можетъ зависѣть, т. е. размѣръ и наименованіе данныхъ чиселъ, различные побочные признаки и отношенія, отличающія содержаніе различныхъ, но въ логической основѣ однородныхъ задачъ, и такимъ образомъ, представить задачу въ общемъ видѣ [1]). Возьмемъ для примѣра задачу: „4 аршина ситцу стоятъ одинъ рубль. Сколько стоитъ аршинъ?“ Послѣ обработки по указанному пріему, она получаетъ слѣдующій видъ: „Извѣстенъ размѣръ цѣлаго и число равныхъ частей, изъ которыхъ оно состоитъ. Найти размѣръ каждой части? Или короче и проще: „Какъ найти одну изъ нѣсколькихъ равныхъ частей числа?“ Если задача такъ выражена, то не можетъ быть колебанія въ выборѣ дѣйствія, хотя бы ученикъ не зналъ не только опредѣленія, но даже названія нужнаго дѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ, передача ея въ общемъ видѣ непосредственно приводитъ къ разсужденіямъ такого рода. — Разложимъ 100 коп. = 1 руб. на 4 равныя части. Положивъ на каждую долю по 1 коп., мы возьмемъ изъ рубля 4 копѣйки; слѣдовательно, на каждую часть придется столько копѣекъ, сколько разъ можемъ мы взять изъ 100 по 4. Но 10 разъ по 4 составитъ 4 десятка; значитъ изъ рубля можно взять 2 десятка разъ по 4 копѣйки, и еще останется 20 копѣекъ, которыя составятъ 5 разъ по 4 коп. Итакъ на каждую часть придется по 25 коп. Ученикъ, рѣшившій задачу такимъ образомъ, несомнѣнно сознательно употребилъ дѣйствіе дѣленія, основываясь исключительно на томъ, что въ задачѣ этой ищется одна изъ нѣсколькихъ равныхъ частей числа.

Но не слишкомъ ли многаго хотимъ мы отъ ученика начальной школы, требуя отъ него умѣнья представить задачу въ общемъ видѣ? Посильное ли это для него дѣло? Чтобы правильно рѣшить поставленный важный вопросъ, должно принять во вниманіе, что въ данномъ случаѣ представляются трудности двоякаго рода. Одно затрудненіе состоитъ въ слабой способности ребенка къ отвлеченію

[1]) Излишне, можетъ быть, упоминать, что представить задачу въ общемъ видѣ не то же, что представить въ общемъ видѣ ея рѣшеніе.

и обобщенію; другое въ его неумѣньѣ точно выражать и тѣ отвлеченія, которыя доступны его умственнымъ силамъ. Первая трудность обязываетъ насъ, ограничивая употребленіе абстракціи неизбѣжнымъ минимумомъ, установить въ тоже время такой методъ изученія простыхъ задачъ, при которомъ эта обобщающая работа была бы для ученика дѣятельностью естественною, почти непроизвольною. Вторая трудность устраняется представленіемъ общаго содержанія задачъ въ возможно болѣе ясныхъ и наглядныхъ выраженіяхъ.

Главное и въ настоящее время общепризнанное основаніе естественнаго метода изученія простыхъ задачъ заключается въ группировкѣ ихъ по типическимъ особенностямъ; безъ нея учитель — слѣпой вождь слѣпыхъ. Поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи читатель найдетъ опытъ классификаціи простыхъ задачъ, основанной на такой группировкѣ. Съ помощью этой классификаціи легко сдѣлать выборъ нужныхъ задачъ изъ задачника, въ которомъ онѣ расположены въ другой системѣ или безъ всякой системы. Теперь же укажемъ, какъ должно пользоваться ихъ систематизаціей, чтобы успѣшнѣе достигнуть поставленной цѣли.

Приступая къ рѣшенію задачъ какого-либо вида, напримѣръ, такихъ, въ которыхъ ищется число, большее даннаго нѣсколькими единицами, учитель можетъ прежде всего употребить въ дѣло наглядныя пособія. Положивъ на столъ 5 кубиковъ, спичекъ и т. п., онъ предлагаетъ одному изъ учениковъ положить въ другомъ мѣстѣ „столько же да три кубика“, затѣмъ „7-ю больше 5 кубиковъ“ и т. д., пока ученики вполнѣ усвоятъ смыслъ этого требованія и станутъ ясно отличать его отъ требованія соединить два числа (во второмъ случаѣ нужно прибавить 7 ко взятымъ уже 3-мъ кубикамъ, въ первомъ — взять 3 новыхъ кубика и прибавить къ нимъ 7). Впрочемъ въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, гораздо болѣе цѣнное пособіе представляетъ личный опытъ дѣтей, которымъ неразъ приходилось съ первыхъ шаговъ пробуждающагося сознанія дѣлать сравненіе разнообразныхъ величинъ и количествъ, въ результатѣ чего у нихъ всегда имѣются въ запасѣ живыя представленія о сравниваемыхъ величинахъ (большей и меньшей) и объ ихъ отношеніяхъ. Значеніе же наглядныхъ пособій состоитъ не въ замѣнѣ ими опыта, котораго ничто замѣнить не можетъ, а скорѣе лишь въ ассоціаціи, по которой въ бѣдной впе-

чатлѣніями классной обстановкѣ легче оживаютъ слѣды болѣе прочной и здоровой умственной работы.

II. Далѣе, классу предлагаются задачи съ конкретными данными, въ родѣ: — „Сестра имѣетъ 12 лѣтъ, а братъ на 6 лѣтъ старше. Сколько лѣтъ брату?" — Ученикъ, понимающій выраженіе „старше", очевидно, безъ всякихъ разъясненій долженъ сообразить, что по условію лѣта сестры равны лишь части лѣтъ брата, что нужно къ этой части, къ 12, присчитать 6, чтобы получить искомое цѣлое. Слѣдовательно, уже для рѣшенія отдѣльной задачи, онъ долженъ сосредоточить вниманіе на тѣхъ именно чертахъ ея содержанія, которыя характеристичны для даннаго типа, и тѣмъ самымъ мысленно выдѣлить ихъ изъ ряда другихъ признаковъ. Затѣмъ, при рѣшеніи нѣсколькихъ задачъ того же типа, въ сознаніи ребенка быстро совершается процессъ сравненія и обобщенія: смѣняющіяся въ каждой задачѣ числовыя данныя, ихъ наименованіе, подробности содержанія забываются; между тѣмъ какъ общія черты условій чрезъ повтореніе закрѣпляются въ памяти и такимъ образомъ отдѣляются отъ случайныхъ. Тѣмъ не менѣе еще преждевременно было бы на этой ступени требовать отъ ученика формулировки выводовъ обобщенія, потому что катехизація въ данномъ случаѣ едва-ли много дастъ, если не будетъ замаскированнымъ подсказомъ.

III. Затѣмъ слѣдуютъ задачи съ отвлеченными данными, важныя въ томъ отношеніи, что, не имѣя въ себѣ наименованій и конкретныхъ подробностей условій, приближаются тѣмъ самымъ къ основной схемѣ задачъ излагаемаго типа [1]). Напримѣръ, въ задачѣ: „Какое число больше 7-ми на 8 единицъ?" — логическій остовъ вопроса совершенно обнаруженъ, и до полнаго обобщенія задачи остается только одинъ шагъ. Этотъ шагъ составляетъ —

(IV) упражненіе въ составленіи задачъ даннаго типа. Дѣтямъ предлагается „придумать такую задачу, въ которой требуется найти число, большее даннаго сколькими нибудь единицами". Для ученика, прошедшаго III ступень и понимающаго слова — „данное число" и „единица", упражненіе это не представитъ никакого затрудненія, — и если затѣмъ спросить у него: „какого же рода задачу составили

[1]) Задачи съ отвлеченными данными должно отличать отъ численныхъ примѣровъ, которые будучи лишены условій, при выясненіи логической стороны дѣйствій не имѣютъ никакого значенія.

вы?" онъ уже долженъ отвѣтить: „такую, въ которой ищется число, большее даннаго нѣсколькими единицами". Къ сказанному считаемъ нелишнимъ добавить, что въ томъ случаѣ, когда на рукахъ у класса задачникъ, въ которомъ простыя задачи на извѣстное дѣйствіе не сгруппированы по логическому сходству, упражненію IV можно предпослать вопросъ: въ какихъ задачахъ (изъ помѣщенныхъ въ указанномъ отдѣлѣ задачника) требуется найти число большее даннаго нѣсколькими единицами? Въ отвѣтъ ученикъ долженъ прочитать нужныя задачи, или же только указать ихъ №№.

Такимъ способомъ можно вести изученіе простыхъ задачъ и всякаго другаго типа.

Бросая взглядъ обратно на установленную послѣдовательность упражненій при извлеченіи изъ задачъ ихъ типическаго содержанія, мы считаемъ себя вправѣ опасаться не того, что эта работа слишкомъ трудна, а скорѣе того, что она слишкомъ облегчена для смѣтливаго деревенскаго ребенка. Поэтому учитель всегда долженъ спрашивать себя, не слѣдуетъ ли для сбереженія времени опустить упражненіе съ наглядными пособіями и при разработкѣ остальныхъ ступеней ограничиваться немногими упражненіями, не допуская впрочемъ ущерба для основательности обученія.

Что касается далѣе, выбора выраженій для общаго вида задачъ, то, повидимому, не во всѣхъ случаяхъ ихъ точность въ одинаковой степени можетъ быть соединена съ конкретностью, наглядностью. Требованіе „по размѣрамъ цѣлаго и одной изъ его частей найти размѣръ другой части" въ практическомъ отношеніи то же, что требованіе „найти остатокъ"; но тогда какъ первое — точнѣе, второе безспорно проще, понятнѣе для дѣтскаго ума, и намъ представляется вполнѣ достаточнымъ въ дидактическихъ цѣляхъ, если ученикъ младшаго возраста дойдетъ до сознательнаго примѣненія къ разбору задачъ второй формы, тѣмъ болѣе, что даже въ систематическихъ учебникахъ ариѳметики давно употребляются въ видахъ удобства такія выраженія, какъ „повторить число", „умноженіе единицы съ нулями" и т. д., неточность которыхъ несомнѣнна. Поэтому въ изложенной ниже классификаціи, наряду съ формулировкой, преслѣдующей чисто-логическую цѣль, нужною главнымъ образомъ для учителя, приводятся по мѣрѣ надобности и болѣе наглядныя выраженія общихъ условій задачъ того или другаго типа.

Должно, впрочемъ, сдѣлать оговорку, что нѣтъ полнаго и всесторонняго соотвѣтствія между ними и отвлеченными схемами; но, кажется, такое соотвѣтствіе и недостижимо.

И. Синскій.

(Продолженіе будетъ).

Извѣстія и замѣтки.

— *Посѣщеніе Ихъ Императорскими Величествами холерныхъ больныхъ.* — 24 августа, Ихъ Императорокія Величества, прибывъ изъ Новаго Петергофа въ С.-Петербургъ, заѣхали помолиться въ Петропавловскій и Казанскій соборы, а затѣмъ направились посѣтить холерныхъ больныхъ. Сначала Государь Императоръ и Государыня Императрица посѣтили Обуховскую больницу; здѣсь Ихъ Величества обошли 1-й и 2-й мужскіе холерные бараки, въ которыхъ помѣщались 64 больныхъ, и 3-й женскій холерный баракъ, гдѣ лежало 30 больныхъ женщинъ. Пожелавъ скорѣйшаго выздоровлепія всѣмъ больнымъ, Ихъ Величества простились съ ними и отбыли изъ Обуховской въ Александровскую больницу для чернорабочихъ. Здѣсь Ихъ Величества обошли три холерныхъ барака, въ которыхъ помѣщались 132 больныхъ. Въ каждомъ баракѣ имѣются женское и мужское отдѣленія. Въ одномъ изъ бараковъ Государь Императоръ и Государыня Императрица посѣтили больную сестру милосердія, которая захворала, ухаживая за холерными больными. Пробывъ около часа въ больницѣ, Ихъ Императорскія Величества отбыли на пристань для обратнаго слѣдованія въ Новый Петергофъ. („Цер. Вѣст.").

— *Установленіе обязательной послѣдственной доли въ имуществахъ умершихъ лицъ.* — Особая коммиссія, работающая надъ составленіемъ новаго гражданскаго уложенія, обратила особенное вниманіе на установленіе обязательной наслѣдственной доли въ имуществахъ умершихъ лицъ, переходящей къ дѣтямъ, независимо отъ желанія владѣльца имущества, а также независимо отъ того, — родовое или благопріобрѣтенное имущество, и существуетъ или нѣтъ духовное завѣщаніе. („Хар. Губ. Вѣд.").

— *По поводу боязни заболѣть холерою.* – Очень многіе люди, вслѣдствіе своей мнительности, будучи вполнѣ здоровыми, заболѣваютъ холерными припадками. Это констатировано еще при холерныхъ эпидеміяхъ 1836 1848 и 1866 гг. Такъ, напримѣръ, извѣстенъ слѣдующій случай, бывшій въ г. Диснѣ 7 августа 1866 года. Жена мѣстнаго протоіерея Соловьевича умерла отъ холеры; на отпѣваніе и погребеніе приглашены были три

священника, въ томъ числѣ и священникъ приходской церкви г. Дисны, о. Владиміръ Сулковскій, нынѣ уже умершій. Послѣдній былъ до того мнителенъ, до того боялся зараженія холерою, будучи вполнѣ здоровымъ, что послѣ совершенія обряда погребенія жены протоіерея Соловьевича вообразилъ себя больнымъ, и это воображеніе такъ сильно подѣйствовало на его организмъ, что онъ оказался дѣйствительно больнымъ, но не холерою, а холериною, отъ которой и вылѣчился въ 2—3 дня. Въ настоящіе дни холерной эпидеміи харьковскіе врачи, по сообщенію „Юж. Кр.“ констатировали случаи особаго психическаго разстройства отъ такой мнительности, или вѣрнѣе боязни заболѣть холерою. Сущность этого разстройства сводится къ тому, что больные испытываютъ ощущенія тошноты, подступающей рвоты, судороги въ различныхъ частяхъ тѣла, страхъ смерти и т. д. Словомъ они одержимы всѣми припадками холеры, которой въ дѣйствительности у нихъ нѣтъ. Все сводится къ разстроенной психикѣ и къ болѣзненно-разстроенному воображенію. („Вѣра и Разумъ“).

Редакторъ *И. Пятницкій.*

Печат. дозвол. 1892 г. 7 сентября Цензоръ, *Каѳедральный Протоіерей Г. Мигай.*
Могилевъ на Днѣпрѣ. Типо-Литографія Ш. Фридланда.